

IV. Осада Риги царём Алексеем Михайловичем

*Мужайтесь, боритесь, о храбрые друзья!
Как бой ни жесток, ни свирепа борьба.
Над вами — безмолвные звездные круги,
Под вами — глухие, немые гроба.
Пушай Олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побеждённый лишь Роком,
Тот вырвал из рук Их победный венец.*

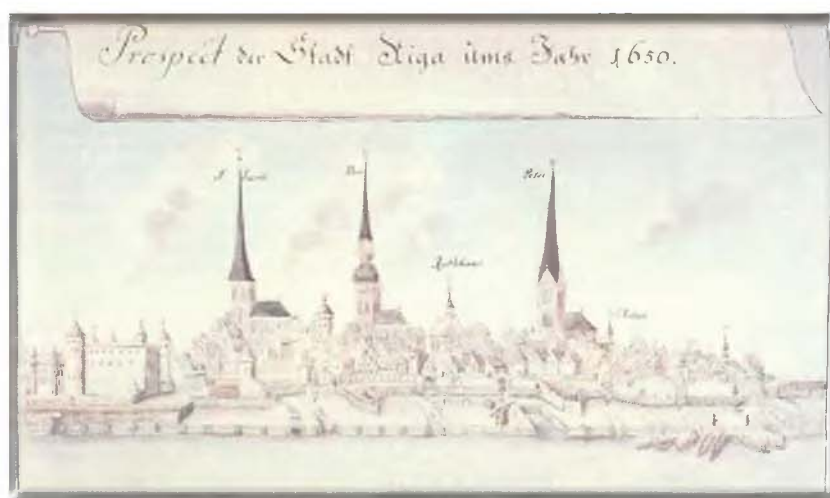
Ф. Тютчев

В 1654 году в ответ на многократные мольбы гетмана Богдана Хмельницкого, поднявшего на Украине антипольское восстание, Московское царство решило оказать помощь братьям-малороссам. Русские войска повели успешное наступление на принадлежавшие Речи Посполитой белорусские и смоленские земли. Царь торжествовал: «И Смоленск им не таков досаден, что Витебск да Полоцк, потому что отнят ход по Двине на Ригу». Рига тогда уже принадлежала шведам. Поляки просили их о помощи, но просьба осталась без ответа, поскольку у Швеции были свои планы относительно сильно ослабевшей Речи Посполитой. Ввязавшись в польско-русский конфликт, шведы постарались одинаково уязвить обоих противников. С одной стороны, они желали отколоть от Москвы украинского гетмана, соблазняя его возможностью поделить Польско-Литовские земли, с другой стороны, они успешно воевали в самой Польше. После захвата шведами Варшавы Алексей Михайлович объявил Швеции войну.

В июле 1656 года русские взяли Динабург, который был переименован в Борисоглебск. Спустя две недели царские полки овладели Кокенгаузенем (Кокнесе). Он был переименован в Царевич-Дмитров. В своём письме царь писал об этом городе: «А крепок безмерно: ров глубокий — меньшей брат нашему кремлёвскому рву, а крепостию сын Смоленску-граду: ей, чрез меру крепок!».

В августе Алексей Михайлович планировал начать осаду Риги. Ещё за несколько дней до того, как русское войско выступило из Смоленска на Ригу, в Митаву был направлен боярин А.Л.Ордин-Нащокин, с письмом к герцогу Якову, в котором сообщалось о цели похода. Курляндскому правителю предлагалось склонить рижан к сдаче города. 4 августа 1656 года московского посланника принял сам герцог, обещавший «всячески помышлять о сдаче Риги».

Лифляндский генерал-губернатор граф Магнус Делагарди был не в силах противостоять армии русского царя. Он распределил то малое число солдат, которые у него были, по крепостям, а для защиты Двины назначил оставшиеся у него 44 эскадрона конницы. Оставленный в качестве заслона шведский отряд при появлении царских войск поспешно отступил в Кирхгольм (Саласпилс), и затем далее к укреплениям рижского форштадта. Кирхгольмский шанец, разорённый и оставленный

Рига в 1650 году

на произвол судьбы, не мог удержать стремления русских войск, и потому бывший на Двине с тремя канонерскими лодками капитан Тилен, которому было приказано беспокоить неприятеля во время похода, также удалился к Риге. Царские передовые части под предводительством князя Якова Куденетовича Черкасского подступили к городу 19 августа, и остановились на расстоянии полумили. 21 августа всё русское войско, исключая гарнизона, оставленные в Борисоглебске и Дмитрове, подошло к Риге.

В Риге тогда находилось 1 800 чел. пехоты, 2 000 чел. лёгкой и тяжёлой конницы, и около 1 500 вооружённых обывателей. Пушек, ядер и пороку нашлось не много, к тому же ещё не доставало денег. Шведский король взял в минувшем году из городской казны 100 000 талеров заимообразно, и взамен денег всемилостивейше дал соизволение рижским гражданам защищаться самим по мере возможности. Как писал исследователь Д.И.Шлун: *«Им следовало получить более миллиона денег, должных им иностранцами; но война в том препят-*

ствовала, и торговля, единственный источник, их благосостояния, пресеклась от чрезмерных пошлин, шведами на товары наложенных». Между тем король строго запретил думать о сдаче города, и даже не помышлять о каких-либо переговорах с осаждающими, обещая вскоре поспешить на помощь городу со всем войском — обещание хотя и лестное, но неудобоисполнимое.

На другой день после прихода русских передовых отрядов, из городских ворот на рекогносцировку вышли несколько офицеров, чтобы определить с планом обороны. Двое из них, граф Турн и подполковник Кронман, имея при себе лишь несколько человек рейтаров, по неосторожности подошли слишком близко к неприятелю и были убиты. На следующий день осаждённые учинили вылазку, с тем, чтобы получить обратно тела погибших начальников. Во время боя им удалось очистить Вейду (большой выгон за городом), занятый неприятельским полком.

24 августа прибыл сам царь Алексей Михайлович со всем остальным войском. Авангард состоял из 22 000 человек, общая же численность московской рати, включая обоз, составляла более 80 000. Шведский источник так перечисляет состав русской армии: стрельцов 8 000, московских рейтаров с штандартами и вооружением по европейскому обычаю 6 000, земского пехотного войска и драгун, обученных немецкими офицерами, 13 полков или 18 000 человек, донских казаков 10 000, боярских детей 20 000 (*«боярские дети» — в Русском государстве XV–XVII вв. мелкие дворяне на военной службе у князей, царей, бояр и церкви*), дворян и казаков белорусских и литовских *«из мест завоёванных Царским оружием»* 8 000, татар и калмыков (*шведы называют их «людоедами»*) 12 000, городовых войск или *«летучих мышей»* с луками 6 000, господских слуг и струговщиков с находящимися при обозе людьми 30 000, всего 118 000 человек. Армия расположилась от Клейн-Юнгфернгофа (*в 8 верстах выше Риги*) вдоль по берегу Двины. При царе постоянно находился его любимец шотландец Александр Аесли, восьмидесятидвухлетний

Глава Посольского приказа А.А.Ордин-Нащокин, современники называли его «русским Ришелье».

Неизв. худ. XVII в.

генерал, «хотя старый летами, но бодрый духом», ставший в дальнейшем губернатором Смоленским.

Готовясь к осаде, шведы предали огню рижские предместья. Московское войско лишалось крыши над головой и не могло использовать строения как защиту от стрельбы с рижских бастионов. Однако осаждённые не успели вырубить густые сады, окружавшие город. Пользуясь этой оплошностью, русские почти без потерь смогли обустроить шанцы (земляные укрепления) и шесть артиллерийских батарей.

Город оставили все люди, получившие на то дозволение. Генерал-губернаторша отбыла на корабле в Швецию, многие рижане отправляли свои семейства в Любек, другие в Курляндию. Некоторые суда, спасавшиеся с людьми и с богатым грузом, были перехвачены русскими. Например, в одной большой лодке были задержано более 20 человек с различными вещами на сумму в 20 000 талеров.

Для обустройства и усовершенствования укреплений, в Риге крайне не хватало рабочих рук. Была надежда на латышских поселян, живших в окрестностях города. Считалось, что они во множестве будут искать прибежища, и из благодарности за оказанное им покровительство охотно помогут обывателям защищаться. Об этом было широко оповещено, но без большого успеха, поскольку явилось не более 300 человек. Из выжженного форштадта в город перебралось около 700 человек, но и они, как и сельские жители, наотрез отказались носить оружие. Гарнизон распределили по бастионам, а конницу разделили на небольшие отделения.

Ещё до начала настоящей осады русские хотели прекратить сообщение между городом и морем, и планировали захватить крепость Динамюнд (Даугавгриву), защищавшую вход в устье Двины со стороны Рижского залива, или по крайней мере возвести шанцы на обоих берегах реки, отрезав крепость от Риги, но это так и не было сделано.

Князь Черкасский стоял на Вейде, имея при себе 22 000 человек, а царь Алексей Михайлович с главной армией расположился по Двине. Едва

Русский воевода, первая половина XVII в.,
худ. О.Фёдоров

только русские воины стали приближаться к новым форштадтским укреплениям, как осаждённые, по возможности истребляя всё, без всякого сопротивления отошли в город. Отступая, рижане уничтожали заборы и деревья в садах, дома горели, и никто не знал причины пожаров и кем приказано сжигать предместья.

Отряды атакующих, воспользовавшись всеобщим смятением, вторглись в передовые укрепления, оставленные осаждёнными, и спасая от огня многие заборы, деревья и здания, облегчали себе путь к городу. Тому сильно способствовали сохранившиеся строения госпиталя Св.Георгия расположенные у холмов Куббе. Русские подступили к стенам крепости настолько близко, что оказались в «мёртвой зоне» и ядра крепостной артиллерии не могли их поразить. Осаждённые упорно противились этому приближению, делали вылазки, но всё было тщётно. Русская сила превозмогла все препятствия!

В городе готовились к упорной защите, в чём участвовали и многие именитые люди. Рижане успели вычистить ров под стенами, поправить крепостные строения. Приказные служители, бросив перья и бумагу, брались за ружья. Дворяне, хотя не многие, прибывшие в город со своими людьми, усердно помогали жителям обороняться. Пасторы в церквях, уговаривали всех к общей защите.

25 августа прислан был из царского стана полковник с трубачом. Он явился у Яковлевских ворот и подал письмо, в котором требовалась сдача города. Кроме этого, он представил голову убитого ещё при первой вылазке графа Турна. Вдова убитого выкупила голову несчастного супруга. Вместо ответа на письмо, осаждённые, в числе 600 человек, учинили вылазку. Во время короткого боя корыстолюбивый полковник был убит. При нём нашли вырученные за голову деньги, которые удачи ему явно не принесли.

1 сентября русские праздновали свой Новый год. С этого дня началась настоящая пушечная пальба по городу. С шести батарей, выстроенных в разных местах, в Ригу летели гранаты, ядра и камни. Самое первое калёное ядро, пущенное в город, зажгло Магистратские конюшни. Этот пожар, опаснейший по множеству сена и соломы, находящихся в конюшнях, был однако довольно быстро потушен. Обстрел очень беспокоил город, многие здания сильно пострадали. Поныне ещё видны русские пушечные ядра вмурованные на фасаде церкви Св.Якова, которые во время осады Риги попали в колокольню.

Сильный ущерб причинил обстрел церкви Св. Петра, находившейся в центре крепости. Она служила прицельной точкой для русских пушек. Там ежедневно совершалось богослужение для защитников города. Но когда 13 сентября два ядра попали в часы на колокольне, службы прекратились на несколько недель.

Царские солдаты не слишком преуспели в осадном искусстве. Они не умели делать апроши (*подступные зигзагообразные ходы, которые устраивали осаждающие для постепенного сближения с не-*

приятельской крепостью), хотя покушались подойти к городу очень близко, в трёх местах: у замка, у Банного бастиона и у Марстальских ворот.

Два переметчика из московского стана, оба немцы, рассказывали в городе, что царь приказал сделать генеральный приступ к городу между 9 и 10 числом сентября, ночью. Эта весть встревожила осаждённых и заставила их приготовиться к обороне всеми возможными средствами. Но уже наступило 11 число, штурм так не состоялся, а кроме того к городу подошли подкрепления — в Динамюнд прибыло 1 400 немецких солдат, присланных из Пиллау от графа Кенигсмарка, которые были перевезены в город на лодках.

За время осады защитники города не раз совершали вылазки, но все они отражались с большими потерями. В боях особенно отличилась русская дворянская конница. В одной из вылазок пример героической самоотверженности показали два шведских рейтара. Они уступили своих лошадей офицерам, вместо убитых под ними. Офицеры спаслись, но пешие солдаты были убиты.

Осада Риги принимала затяжной характер. Город имел первоклассные по тем временам укрепления: вал, ров с водой, бастионы — русская артиллерия не смогла нанести им серьёзных повреждений.

В царском войске начались измены наёмных офицеров, как правило, немцев. Если в войне с поляками они участвовали с охотой, то теперь во все не горели желанием сражаться против своих единокровных братьев — рижских немцев (хоть те и находились под шведской короной). Ведение осады затрудняла и ранняя осень, оказавшаяся дождливой и холодной. Наступали перебои в доставке продовольствия в русский лагерь. Не было флота, и потому морские подступы к Риге не были отрезаны.

Осаждающие между тем прокопались до самой Банной рондели. Батарея, устроенная в стенах церкви Иисуса сильно беспокоила рижан. При этом корысть и выгода продолжали оставаться главными мотивами в действиях по-

Осада Риги царём Алексеем Михайловичем с 22 августа по 5 октября 1656 года (Гравюра из книги S.Puffendorf — *Sieben Bücher von denen Thaten Carl Gustavs Königs in Schweden*. Nürnberg 1697. Buch III).

чтенных бюргеров. Что бы побудить городских толстосумов оказать помощь своим солдатам, генерал-губернатор Делагарди вынужден был даже пойти на хитрость. Он заявил, что собирается, взяв с собой нескольких офицеров и отряд конницы, покинуть город «для защищения окружающих мест и для добывания для солдат амуниции, в чём они весьма нуждались». Перепуганные бюргеры «весьма опечалились» и «вызвались постараться, удовлетворишь войско». Вскоре в город пробрался шведский офицер, уведомивший о приближении пятитысячного вспомогательного корпуса под команду графа Дугласа.

В то время как русская армия оказалась в чужом краю без продовольствия и свежих сил, к осаждённой Риге в середине сентября с кораблями пришло подкрепление — войска, продовольствие, порох. Узнав об этом, благоразумный генерал Лесли, осторожно советовал царю снять осаду. Однако пылающий молодым задором 27-летний Алексей Михайлович настаивал на штурме. Лесли с прочими иностранными офицерами представ-

ляли ему о невозможности этого предприятия, по причине позднего осеннего времени и несогласия, существовавшего между знатнейшими русскими и иноземными военачальниками. Царь желал взять Ригу непременно, не взирая ни на какие препятствия.

Приступ был назначен на 2 октября, однако шведы, предупреждённые перебежчиками, рано утром этого дня предприняли упреждающую вылазку. В 8 часу утра осаждённые вышли из Песочных ворот и устремились на госпиталь Св.Георгия. Многие русские солдаты ещё спали, некоторые готовили себе завтрак. Шведы убивали в траншеях всех попавшихся им на встречу и потом ворвались в самый лагерь. Удары пришлось на полки, которыми командовали иностранцы, и не оказавшие серьёзного сопротивления. На выручку этим частям был брошен «приказ» стрельцов, несколько выправивший ситуацию. Хотя шведскую вылазку удалось отбить, потери русских были весьма значительны. Шведам удалось захватить 17 знамён.

В глубокой печали 5 октября царь приказал снять осаду Риги, продолжавшуюся 50 дней, а через неделю армия возвратилась в Полоцк.

Сохранилась старинная русская солдатская песня XVII века, связанная с этим крайне неудачным походом:

Осада Риги

*А под славным было городом под Ригю,
Что стоял царь-государь по три года,
Ещё бывшей Алексей царь Михайлович.
Что поутру было рано-ранёшенько,
Как на светлой заре на утренней,
На восходе было красного солнушка,
Как бы гуси-лебеди воскликнули,
Говорили солдаты новобранные;
«А свет-государь, благоверный царь,
А и бывшей Алексей царь Михайлович!
Ты изволишь наряжаться в каменну Москву
Не оставь ты нас, бедных под Ригю,
Уж и так нам-де Рига наскучила,
Она скучила нам, Рига, напроскучила:
Много холоду-голоду приняли,
Наготу-босоту вдвое того».
Что злата труба под Ригю протрубила,
Пригласил государь благоверный царь:
«А и детушки вы, солдаты новобранные,
Не одним вам Рига так наскучила,
Самому мне, государю, напроскучила,
Когда Бог нас принесёт в каменну Москву,
А забудем бедность-нужу великую,
А и выставлю вам погребы царские,
Что с пивом, с вином, мёды сладкие».*

По отходе царских войск жители Риги наконец воочию смогли осознать всю опасность, которой они подверглись бы в случае приступа. Они нашли 18 батарей и 7 траншей в одной линии начиная от Марстальских ворот до самой Вейды, сильно укреплённых и защищённых турами. Русские сумели подготовить апроши, отделяемые от городского рва лишь одной саженью земли. Многие говорили тогда, что сам Бог спас город!

Шведский король Карл X за успешную оборону Риги подтвердил в 1657 году все её права, привилегии, преимущества и сверх того подарил городу в 1658 году мызу Нейермилен (в последующие времена она была отнята у рижан его наследником). В признательность за верность и мужество городской герб украсили короной над крестом и львиной головой, Риге же был дан титул «второго» (после Стокгольма) города в государстве, а члены магистрата возведены в дворянское достоинство.

Война продолжалась. Русские полки успешно штурмовали Дерпт, который пал 12 октября. Той же осенью были захвачены Мариенбург (Алуксне) и Нейгаузен (Вастселийна). Вполне удовлетворённая достигнутыми успехами, Боярская дума постановила: «*Промышлять всякими мерами, чтобы привести шведов к миру*». Раздосадованные шведы стремились к реваншу, но неудачи на полях сражений вынудили их заключить трёхлетнее перемирие.

Это время было использовано русскими для укрепления своего влияния в землях Восточной Латвии. Деятельный и разумный воевода А.А.Ордин-Нащокин строит укрепления и храмы, завозит мастеровых людей. В Царевич-Дмитрове готовится флотилия судов для нового наступления на Ригу. Здесь же был создан монетный двор, который чеканил русскую монету. Понимая, что необходимо прервать изоляцию России от Европы, приобретение выхода к Балтийскому морю, боярин Афанасий Лаврентьевич считал первоочередной задачей. В 1657 году продолжаются переговоры о переходе Курляндии в российское подданство. Герцог Яков направил Ордин-Нащокину проект договора. В соответствии с его первой статьёй, герцогство переходило «*в полную совершенную оборону*» Московского государства. Правда, из-за активного противодействия Швеции фактического присоединения Курляндии к России не произошло. Шведы захватили самого герцога и заняли все его владения.

Курляндский герцог Яков

Ситуация становилась всё более неблагоприятной для русских. Швеция заключила с Речью Посполитой мир. Боярин Ордин-Нащокин настойчиво советовал Алексею Михайловичу уступить Украину полякам и бороться против шведов за Прибалтику. Однако царь считал, что отдать православное славянское население Малороссии под власть католической Польши будет преступлением перед братьями по крови и вере. Было решено замириться со Швецией, вернув ей ливляндские земли, и продолжить войну с Польшей за Украину. Замечательный дипломат старой Руси Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, очень хлопотал о том, чтобы Ливония осталась за Россией. Но миновала относительно выгодная для Москвы общеполитическая обстановка, и мечта Ордин-Нащокина оказалась совершенно неисполнимой. Уничтожение не-

навистного Столбовского договора, лишившего русский народ возможности нормального экономического и политического роста, откладывалось ещё на четыре десятилетия.

Мир был подписан в местечке Кардис (ныне Кярде) 21 июня (1 июля) 1661 года, в т.н. «Домике мира». Эта хрупкая постройка уцелела, пройдя сквозь века. Домик был построен ещё до церковного раскола на Руси и до восстания Стеньки Разина. Ещё не родился Пётр Великий, сумевший позднее осуществить многие замыслы своего отца. Столько событий, столько страстей отшумело, а эта хижинка под камышовой крышей всё стоит! Домик пощадили даже мировые войны и революции. Он находится в 60 километрах от Тарту, если ехать по дороге на Раквере, недалеко от озера Эндла, в местечке Кярде.

История церковного раскола в России — это повесть о трагедии, разделившей страну и поставившей вне закона многих достойных, искренних и честных её детей. Горькие плоды раскола мы пожинаем до сих пор.

«Домик мира» в Кярде

Малоизвестный, но очевидный факт, что первопричиной раскола в России стал Орден иезуитов. Спасая себя и папский престол от Реформации и внешних врагов, эти Псы господни, начиная с А.Поссевино — теоретика программы привлечения Московского государства на сторону Ватикана (1580–е гг.), разработали целую систему способов и приёмов по реализации своих планов и со времён Смуты пытались претворить её в жизнь. На царя Алексей Михайловича иезуиты действовали не прямолинейно и не лично, но поэтапно, посредством зависимых от них вселенских патриархов и униатов, под благородным предлогом освобождения Константинополя от мусульман. Только Пётр I сумел понять реальные их цели и отреагировал резко, хотя и несколько запоздало. Царь издал указ, предписывающий иезуитам покинуть российские пределы, поскольку они «не могут отстать от того, чтобы не мешаться в политические дела». Полностью добиться подчинения православной церкви Ватикану католические эмиссары так и не смогли, но своё чёрное дело они сделали.

Церковный раскол, приведший к изменению обрядности, к появлению «старой» и «новой» веры, был ничем иным, как политической диверсией против Русской православной церкви. Предавая анафеме 700 лет своей истории, устраивая гонения на защитников истинного русского православия, ведущего своё официальное начало с 988 г. и основывающегося на первичном константинопольском каноне, патриарх Никон и царь Алексей выступали заложниками собственных политических амбиций и непомерного самолюбия, умело раздуваемых агентами Ватикана. Важнейшей их задачей было столкнуть Московское государство и Османскую империю, которая в то время являлась прямой угрозой для Европы. Соблазнив химерой «третьего Рима» ближайшее окружение царя, Ватикан втянул Россию в авантюрную многовековую войну с Турцией. Даже в XX веке Николай II ещё продолжал грезить о турецких проливах и о возрождении Константинополя. Как же проводилась эта тайная операция папских спецслужб в середине века XVII?

Католический Запад на протяжении веков не оставлял попыток подчинить своему влиянию Святую Русь. В правление Ивана Грозного и во время Смуты эти планы осуществить не удалось. И вот, в 1649 году в Москву прибывает иерусалимский патриарх Паисий. Всякий раз визит особ подобного уровня носил какой-то особый смысл. В то время русский царь уже начинал верить, что наступают сроки, когда Россия приблизится к Босфору, и «третий Рим» возродится в самом Царьграде. И греки благосклонно поддакивали русским в этих мечтах, сами вождеая освободиться от ига ислама. Одна из тайн истории — кто и когда зародил в сознании царя идею о возрождении Царьграда. Но об этом знали и в Константинополе, и в Риме. Приезд Паисия был великим соблазном и заставил Алексея Михайловича проявить себя в полной мере.

Паисий прямо объявил тщеславному царю, что видит его восприемником *«великого царя Константина, прадеда Вашего, да освободит народ благочестивых и православных христиан от нечестивых рук...»*. Он же чётко поставил условие: унифицировать обряды по образцу вселенской церкви, принявшей Флорентийскую унию 1439 г. и тем самым потерявшей самостоятельность. Требовалось убрать двуперстие, сугубую аллилую и другие обряды первоначального, древнего константинопольского устава, принятого в то время на Руси. Патриарх делает главный вывод: русское православие — ересь, его 700-летняя история — ересь, сами русские — еретики. Какое мы наблюдаем здесь трогательное единство с католическим Ватиканом, считавшим русских схизматиками, а в XIII–XIV вв. объявлявшим крестовые походы на Русь! Царю, чтобы занять «Высочайший трон», нужна самая малость — провести реформы Русской православной церкви и обрубить лишнее. На Москве словоблудие патриарха Паисия никто не принял всерьёз. Никто, кроме царя и его окружения. Алексей Михайлович сделал свой судьбоносный для страны выбор. С этого времени постепенно и последовательно начинается процесс «исправления» русского православия.

Своих, московских «реформаторов», не хватало и потому привлекали украинских священников, уже затронутых униатством. Напомним, кстати, что униатская церковь признаёт главенство католической церкви при формальном сохранении православных обрядов. Окончательно церковный раскол будет определён на церковном Соборе 1666 года (обратим внимание на дату!).

Противники реформы церкви бежали на окраины государства. Россия оказалась расколота на два непримиримых лагеря: на тех, кто принял царскую волю и на старообрядцев, «раскольников», которые не желали отступать ни от веры, ни от духа древлеправославия. Власть жестоко преследовала и карала несогласных. Им оставалось либо смириться, либо погибнуть, либо искать «землю обетованную» в Сибири, на Кавказе, в Прибалтике. Очень многие оказались тогда на территории современной Латвии — в Инфлянтах Польских (Латгале) и в Курляндском герцогстве.

Войны и эпидемии в то время буквально выкосили население здешних мест. Поэтому беглые старообрядцы были весьма благожелательно здесь приняты. Польский король Ян Собеский издал по этому поводу даже специальную грамоту *«О свободном жительстве раскольников в польских пределах...»*

Первые группы ревнителей «старой веры» появились в ливонских землях в 1659 году, т.е. ещё до официального разрыва отношений с Греко-православной церковью. Близ Динабурга, в деревне Лигинишки, в 1660 году был построен первый в Прибалтике старообрядческий храм. Центром земгальских старообрядцев стал нынешний город Екабпилс. Очень давно, ещё в начале XVI века, на левом берегу Двины, напротив Крейцбурга (Крустпилса), стали селиться беглые русские люди. В основном, это были новгородские стригольники — религиозные сектанты, бежавшие от гонений. Позднее, сюда же спасались беглецы от опал Ивана Грозного. Основав Гольмгофскую слободу (немцы так и называли её — *Slobodde*), они занимались торговлей, лесосплавом, проводом судов через опасные места.

Вторая волна беглецов из Руси появилась здесь в середине XVII века. Это были люди, согнанные с верховьев реки войной. Среди них было много последователей древлеправославной веры. Герцог Яков грамотой от 12 февраля 1670 года жаловал этому поселению статус города и своё имя (по-немецки *Jakobstadt* — город Якова, нынешний Екабпилс). Интересно, что в отличие от других городов герцогства, на Якобштадт было распространено магдебургское городское право. Оно закрепляло свободы горожан, их самоуправление. Подобная льгота говорит о том особом значении, которое герцог придавал этому новому городу.

С течением времени старообрядцы довольно плотно заселили окрестности Динабурга, Люцина, Иллукста. К концу XVII века они составляли уже значительную часть населения Восточной Латвии.

Лигинишский памятный крест (г.Даугавпилс). Был установлен в 2003 г. на месте первого в Прибалтике храма древлеправославного христианства, построенного в 1660 году.

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
А.С.Пушкин

Пётр I Алексеевич

(30.05.1672, Москва — 28.01.1725, Петербург)

Царь с 27.04.1682, император с 22.10.1721

Г.Кнеллер. Портрет Петра I. 1698 г.